УДК: 329 DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-3-57-78

ПРОБЛЕМАТИКА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РАКУРСЕ ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ И РАЗНОВИДНОСТЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

***Клычков А.Е.*[1]**

Политические партии были и остаются важным институтом политической системы национального государства. Их взаимодействие определяет практики достижения политического и ценностного консенсуса либо его отсутствие по ключевым вопросам развития территорий. В этой связи становится актуальным исследование практик взаимодействия политических партий, анализ их поведения, акций и транзакций посредством институционального анализа.

Цель настоящей статьи – представление результатов исследования взаимодействия политических партий с точки зрения основных теорий и разновидностей институционализма. ***Методология исследования*** – системный анализ имеющихся теорий институционализма и неоинституционализма с объяснением акций и транзакций политических партий. ***В результате*** исследования объяснена природа институционализации взаимодействия между конкурирующими политическими партиями. Выделены следующие компоненты институционализации партийного взаимодействия: диалог партийных структур по близким позициям и ценностям в разрезе политических действий; формирование системы интеракций, обеспечивающих институциональное строительство и институциональные изменения (реформы) на национальном и субнациональном уровнях. Выявлено, что качество, эффективность и направленность интеракций политических партий влияют как на территориальное развитие и прогресс, так и социально-экономическую и политическую отсталость.

Ключевые слова: политические партии, институционализм, неоинституционализм, институционализация, институциональные изменения, эффективность.

Клычков Андрей Евгеньевич – губернатор и председатель Правительства Орловской области, Правительство Орловской области, адрес: 302021, Россия, г. Орёл, пл. Ленина, д.1, e-mail: Klyckov57@gmail.com

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF POLITICAL PARTIES IN THE STANDARD OF THE MAIN THEORIES AND DIVERSITY OF INSTITUTIONALISM

KLYCHKOV A. E. – Governor and Chairman of the Government of the Orel Region, Government of the Orel Region (Russian Federation, Orel), e-mail: Klyckov57@gmail.com

Political parties have been and remain an important institution of the political system of the nation state. Their interaction determines the practice of achieving political and value consensus or its absence on key issues of territorial development. In this regard, it becomes relevant to study the practices of interaction of political parties, the analysis of their behavior, actions and transactions through institutional analysis.

The purpose of this article is to present the results of the study of the interaction of political parties in terms of the main theories and varieties of institutionalism. The research methodology is a system analysis of the available theories of institutionalism and neo-institutionalism with explanations of actions and transactions of political parties.

As a result of the study, the nature of the institutionalization of interaction between competing political parties is explained. The following components of the institutionalization of party interaction are highlighted: the dialogue of party structures on similar positions and values in the context of political actions; formation of a system of interactions ensuring institutional building and institutional changes (reforms) at the national and subnational levels. It is revealed that quality, efficiency, and orientation of political party interactions influence both territorial development and progress, as well as socio-economic and political backwardness.

Keywords: political parties, institutionalism, neoinstitutionalism, institutionalization, institutional change, efficiency.

Политические партии, в том числе парламентские, являются важнейшим институтом как политической системы, так и ее меньшим элементом – партийной системы (партиомы). С этой точки зрения исследование роли и значения партий имеет смысл проводить как в рамках институционализма (работы «старых» институционалистов: Дж. Коммонса, Т.Б. Веблена, Р. Коуза и др.), так и в разрезе нового институционализма (неоинституционализма) – Д. Марч и Д. Ольсен, Д. Норт и др. Тем более, что в теории институтов транзакция рассматривается как сделка, операция, а в более широком научно-прикладном понимании – взаимодействие – была помещена в центр научного анализа.

Власть, как один из ключевых ресурсов, всегда была в поле зрения притязаний политических партий, представляющих один из институтов политической системы. Дж. Коммонс рассматривал борьбу за дефицитные ресурсы как источник конфликта, причем не только в экономической и политической сферах (борьба за политические ресурсы – источник конфликта между политическими партиями). Заслуга Дж. Коммонса состоит и в том, что он рассматривал категорию «институт» как универсальное понятие. «Договор», «сделка», права собственности, коллективная деятельность – примеры универсальных институтов.

Необходимо учитывать, что в основе институционализма лежит понятие «поведение» (как экономическое, так и политическое). В этой связи Дж. Коммонс, как «старый» институционалист, в рамках методики наблюдения и описания с последующим оформлением в гипотезы отмечал, что на основании соглашения о цене возникла власть денег с ее институтами (банковская и финансовая системы), а «на основании соглашения о заработной плате возникла … система индустриального управления, а если говорить об измерении узаконенных сделок, возник институт занятости в промышленности с его свободой договора»[1].

Однако политическое и экономическое поведение, основа институционализма, характерно не только для индивидов, но и для институтов. К примеру, для парламента и правительства, в котором находятся представители политических партий, конфликтующих и взаимодействующих друг с другом в рамках данных институтов. Конструктив и деструкция – основные линии их поведения. К примеру, М. Вебер, подвергая анализу одну из форм противоборства, отмечает, что «правительство и парламент противостоят друг другу как два отдельных органа, и парламент при этом является лишь представительством подвластного народа и поэтому сориентирован на «негативную» политику»[2].

Главный идеолог американского институционализма Т.Б. Веблен в ряде своих работ, в том числе и в «Теории праздного класса», относил к институтам как категории политической и правовой надстройки общества, так и экономические явления: государственность, соперничество (эти аспекты крайне важны для исследования политических партий). Собственность же и праздность, чему он посвятил основное внимание в исследованиях, представляли для него интерес с точки зрения элементов социальной структурыкак традиционное явление.

В данном разрезе его теория и методология важны для нас в ракурсе политического и экономического поведения индивидов, взаимодействующих с политическими партиями. Т.Б. Веблен, исследуя «институции» (установления,

[1] Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма [Текст] / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 337.

[2] Вебер М. Власть и политика /М. Вебер; (Пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова). – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 432 с. – С. 136–137.

обычай, порядок, принятый в обществе) и «институт» как закрепление обычаев и порядков в виде закона или учреждения, отмечает, что «нет никаких других стимулов приобретения и накопления, кроме этого желания превзойти других … мотивом к накоплению является власть, даруемая богатством»[1].

Более современные институционалисты (неоинституционалисты), в частности О. Уильямсон[2], в рамках анализа рынка, в том числе и политического рынка (границы между двумя понятиями весьма условны), вводит в научный дискурс ключевое понятие «сравнительный институциональный выбор», чтобы показать следующую тенденцию. Адаптация организаций (включая политические партии) к изменяющейся ситуации на рынке является постоянным процессом, движущей силой которого служит собственный интерес (в нашем случае – партийный интерес).

Кроме того, в исследовании О. Уильямсона важно обратить внимание на следующий вывод. Организации, конкурируя между собой, зачастую стоят перед выбором – конкурировать на открытом рынке или, как обозначает это понятие О. Уильямсон, обратиться к иерархическим структурам (государству, органам МСУ, имеющим административный ресурс влияния на усиление позиций той или иной политической партии. – прим. авт.). И это теоретическое положение О. Уильямсона акцентирует внимание на учете комбинаций человеческого фактора и фактора среды.

К примеру, политическая традиция в конкуренции Республиканской и Демократической партий в США сводит к минимуму обращение любой из этих структур к государственному (административному) ресурсу. Аналогичная традиция имеется и в Великобритании, где правящая партия (Консервативная или Лейбористская), сформировавшая правительство страны, практически не прибегает к использованию властных преференций в соперничестве с оппонентами. Вместе с тем практика использования ресурса иерархических структур в избирательных кампаниях широко распространена в деятельности «партий власти» в постсоветских республиках.

Вместе с тем в конкуренции политических партий не стоит возводить в абсолют ни рыночные механизмы, которые регулируют процессы, ни иерархические структуры. Стоит отметить, что еще в 2009 году Нобелевская премия была вручена О. Уильямсону и Э. Остром за нестандартное мышление в анализе институтов. Такая высокая оценка вклада ученых проходила на фоне десакрализации государственного регулирования процессов (иерархические структуры) с распадом социалистической

[1] Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылева. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. – 368 с. – С. 81.

[2] Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Научное редактирование и вступительная статья В.С. Катькало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Катькало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова, Н.Н. Цытович. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.

плановой системы в 1989–1991 гг. и десакрализации роли рынков, где «жадность – это хорошо, а самообогащение – это добродетель … эта вера дополнительно укрепилась с крахом коммунизма и распространением мифа о конце истории»[1].

В своем исследовании «Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности» Э. Остром отмечает, что ни государство, ни рынок не продемонстрировали однозначно успешных результатов. Поэтому при выборе вариантов движения акторов из наличия трех моделей (рынок, государство, коллективные действия с разумным использованием ресурсов) в качестве успешного варианта предлагает «институты, позволяющие индивидам достигать продуктивного выхода из ситуаций, … поскольку институты редко являются чисто государственными или чисто частными, «рынком» или «государством»[2].

Э. Остром также полагает, и эта теза важна для нас в плане установления государством правил для партий в работе с потенциальными избирателями, что «если конкурентный рынок уже имеется, индивиды могут свободно входить туда и выходить оттуда, вне зависимости от того, несут они издержки по предоставлению рынка и его поддержанию в работоспособном состоянии или нет»[3]. Кроме того, Э. Остром дает обоснование важности взаимодействия различных акторов, рассматривая это как эффективный институт коллективных действий. По мысли исследователя, если бы не существовало коллективных институтов, ни один рынок не смог бы просуществовать продолжительное время. При этом коллективные и частные институты не изолированы друг от друга, они тесно взаимосвязаны в реальной жизни.

К примеру, в условиях политического рынка в ФРГ каждый гражданин имеет на выборах в Бундестаг (парламент страны) два голоса: первый голос он отдает за депутатов-одномандатников (чаще всего – членов той или иной партии), второй – за одну из участвующих в выборах партий. Обычно ни одна из партий не набирает на выборах более 50% голосов, так что обычно две партии, имеющие суммарно более 50% мест в парламенте, вступают в коалицию. В ходе интеракций, «обычно скрытых от общественности, партии договариваются о возможном распределении министерских портфелей внутри будущего правительства, а также подгоняют одну к другой свои (разумеется, различавшиеся до выборов) предвыборные программы»[4].

Согласно оценке А. Сен, институты (включая институт политических партий)

---

[1] Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с. – С. 246.

[2] Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – С. 45.

[3] Там же. – С. 45.

[4] Сумленный С.С. Немецкая система. Как устроена Германия. Издание второе, переработанное и дополненное/ С.С. Сумленный. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С. 192–193.

вносят свой вклад в общее (публичное) благо в ракурсе нескольких направлений: непосредственного влияния на жизнь людей, а также поддержки нашей «способности анализировать рассматриваемые нами ценности и приоритеты, особенно когда есть возможность публичного обсуждения»[1]. Именно такими возможностями обладает институт политических партий, поскольку в борьбе за власть (главная функция партий) данный институт за счет анализа проблем имеет программу действий по развитию страны (вырабатывает политический курс), а также в лице политических партий является носителем определенных ценностей, которые предлагаются избирателям.

При анализе концептов конкуренции и взаимодействия политических партий для нас важна и точка зрения Д. Норта, который понимает институты как «правила игры» в обществе или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»[2]. Таким образом, партии (в особенности правящие или парламентские) являются носителями правил игры, в выработке которых они участвуют, стараются соблюдать их и принуждают к их соблюдению другие партийно-политические структуры. К примеру, правило обязательного участия лидеров партий в публичных дебатах.

Более того, как отмечает Д. Норт, «главная роль, которую институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия»[3]. В итоге партии как политические институты, на наш взгляд, инициируют не только процесс конкуренции (соперничества), конфликта, но и процесс совершения сделок и взаимодействия между собой (например, создание коалиций, даже больших правительственных коалиций по типу ХДС/ХСС и СДПГ в ФРГ).

Следствием этого становится *институционализация взаимодействия между конкурирующими политическими партиями как активный диалог партийных структур по близким позициям и ценностям в разрезе политических действий, выход на заключение выгодных для себя и избирателей политических сделок, формирование системы интеракций, обеспечивающих институциональное строительство, институциональные изменения (реформы) на общенациональном и субнациональном уровнях, которые обеспечивают как приращение коллективного блага, страновое и территориальное развитие и прогресс, так и откаты назад (регресс), социально-экономическую и политическую отсталость*.

Ю. Эльстер, анализируя классическую работу А. де Токвиля «О демократии в

[1] Сен А. Идея справедливости [Текст] /А. Сен; пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с. – С. 17.
[2] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. –М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. –180 с. – С. 17.
[3] Там же. – С. 21.

Америке», посвященную строительству демократических институтов, более четко расставил акценты по оценке социальных последствий становления институтов, включая и институт политических партий. В итоге Ю. Эльстер выделяет следующие методологические принципы: 1) последствие построения следует принимать тогда, когда институт получает широкое распространение, а не тогда, когда он еще является маргинальным; 2) у каждого института могут быть разные последствия, позитивные и негативные, однако нужно принимать за основу их совокупный эффект; 3) эффективность институтов стоит рассматривать с точки зрения их долгосрочных последствий[1].

В разрезе данного тезиса Ю. Эльстера выскажем свое предположение о том, что институционализаия политических партий и многопартийной системы в постсоветской России 90-х годов XX века не оказала с точки зрения долгосрочных последствий позитивного влияния ни на институциональное развитие РФ, ни на социально-экономический прогресс страны. Многие зарегистрированные политические партии, участвовавшие в выборах периода 90-х годов на федеральном и региональном уровнях, кроме КПРФ и партии «Яблоко», оказались маргинальными и исчезли затем с общефедерального политического ландшафта. На наш взгляд, к маргинальным партструктурам стоит отнести функционировавшие в этот временной отрезок и так называемые «партии власти»: «Демократический выбор России» (партия была представлена в Госдуме в 1993–1995 гг.), «Наш дом Россия» (1995–1999 гг.), «Отечество – Вся Россия» и «Единство» (1999–2003). А их совокупный эффект никак нельзя назвать позитивным и продуктивным.

Основатели «нового» институционализма Джеймс Г. Марч и Йохан Ольсен с момента публикации своей научной статьи «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» в 1984 году более детально, чем их предшественники – «старые институционалисты», сформулировали свое кредо в том, что институты – это в первую очередь нормы и правила. Данные исследователи, почти сразу же ставшие классиками теории «неоинституционализма», полагали, что «социальные, политические и экономические институты стали более крупными, значительно более сложными и ресурсными и оказались более важными для коллективной жизни»[2].

Чуть позже, в 1989 году, в своей монографической работе Дж. Г. Марч и Й.П. Ольсен продолжили исследования некоторых правил, в рамках которых политические институты (скорее государственные институты) обеспечивали порядок и влияли на изменения в политике. Под «правилами» они подразумевали в рамках своих уточнений рутинные процессы, процедуры, соглашения, роли, стратегии,

[1] Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. Ред. перевода А. Морозов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – С. 162.

[2] March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / The American Political Science Review, Vol. 78, No 3 (Sep., 1984),P. 734-749. – P. 734.

организационные формы и технологии, вокруг которых строится вся политическая деятельность. Они также имели в виду и иной вид институтов: убеждения, парадигмы, кодексы, культуру и знания, которые могут окружать и поддерживать, а могут и противоречить этим ролям и процедурам. Ведь политическое поведение институтов ограничено или продиктовано «культурными доктринами и социальными нормами»[1].

Современный исследователь А. Грейф рассматривает институты с позиции проявления социальных факторов, совокупность которых мотивирует выбирать определенный вариант поведения из множества потенциальных социальных ситуаций. По его оценке, институт – это «система социальных факторов, совокупное влияние которых порождает регулярность поведения. Каждый компонент такой системы является социальным, т.е. рукотворным нематериальным фактором»[2]. А. Грейф уверен, что «некие правила были частью определенного института, должен быть мотив следовать им»[3]. При этом важно, чтобы каждому члену общества были известны эти правила, чтобы он их придерживался, чтобы была некая институциональная иерархия, лидеры которой обладали бы властью над нижестоящими.

Рассматривая сущность различных политических институтов и их развитие, в том числе и институт партий, важно ориентироваться на подходы в оценке институтов и разновидности институтов (в рамках нашего исследования разновидности институционализма представлены в табл. 1). К примеру, в рамках исторического институционализма ряд исследователей (Д. Ашфор, К. Телен, шведский политолог С. Стейнмо) делают упор на первоначальный институциональный выбор в каждом конкретном государстве, который (этот выбор) потом воспроизводит модели и практики поведения в политических системах государств функционирующих институтов (к примеру, форм правления, политических движений).

Политолог С. Хедлунд, исследуя проблематику социально–экономического развития стран Запада и России в сравнительном ключе и в контексте исторического институционализма, пришел к парадоксальному выводу о том, что история успеха Запада удивляет тем, что у этого успеха нет конкретной отправной точки (даты отсчета этого успеха)[4]. Таким образом, С. Хедлунд намекает на естественное складывание условий для институциональных изменений и эволюционность данного процесса. Впрочем, есть и такая точка зрения, что временным отрезком становления

---

[1] March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / James G. March, Johan P. – New York, London: The Free Press, 1989. – 228 p. – P. 22.

[2] Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнаревой; вступит. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с. – С. 55.

[3] Там же. – С. 56.

[4] Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С.122– 144.

успеха стали события в Англии в 1688–1689 гг. (Славная революция), когда за консолидацией демократических прав у различных социальных групп последовала промышленная революция (такой точки зрения придерживается М. Олсон).

В итоге, согласно выводам С. Хедлунда, М. Олсона, С. Стейнмо и др., институциональные изменения на Западе происходили «снизу», эволюционно и обеспечивали устойчивый прогресс стран Запада. В ином случае, как полагает тот же С. Хедлунд, происходило в исторической России (Российская Империя, СССР, Российская Федерация), где «институциональные изменения, или реформы, традиционно были инициативой власти»[1]. Военные неудачи или политические проигрыши (как точка отсчета) ориентировали руководство страны на институциональные изменения (реформы), нацеленные на технологическую модернизацию ведущих отраслей экономики и существенное сокращение разрыва в социально–экономическом развитии государства.

Таким образом, с точки зрения исторического институционализма, по нашему мнению, у политических партий постсоветской России есть две основные принципиальные линии поведения в среднесрочной и долгосрочной перспективе (см. табл.1):

1) либо изменение стратегических целей страны и средств их достижения, с кардинальной сменой и даже ломкой цивилизационного детерминизма;

2) либо «оставить все как есть». Кстати, проблематика первоначального институционального выбора объясняет и оправдывает для нас наличие двух основных политико-идеологических течений последних столетий: славянофилов и западников.

В рамках нормативного институционализма (Дж. Марч, Й. Ольсен), где в большей мере главенствуют нормы и ценности, применительно к России стоит рассмотреть следующую конструкцию во взаимодействии партий. На наш взгляд, в период 2000-х годов в России идет соперничество политических партий за идеологическую повестку дня, за ценности большинства избирателей. Эти интересы и ценности агрегируют и артикулируют действующие в период 2000-х годов парламентские политические партии (ЕР, КПРФ, СР, ЛДПР), между которыми сформировался определенный символический интеракционизм (ценности государства, справедливости, семьи и др.).

Соответственно за пределами этого консенсуса находятся интересы меньшинства, которые отражают партии «Яблоко», СПС и др.

Не менее интересен ракурс исследования политических партий и в разрезе структурного институционализма (Дж. Прессман, А. Вильдавски). Здесь важно взаимодействие политических партий и государства, где иерархические структуры

[1] Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 512 с.

формируют некие «контрольно-пропускные пункты», регулируя тем самым конкурентный партийно-политический процесс.

Таблица 1 — Основные типы институционализма в преломлении института политических партий

Table 1 — The main types of institutionalism in terms of the institution of political parties

Основные типы институционализма	Ведущие представители научных школ	Направленность в исследованиях институционализмов	Политические партии в акциях и интеракциях
1.Исторический институционализм	Д. Ашфорд, К. Телен, С. Стеинмо	Первоначальный институциональный выбор	1) изменение целей, средств их достижения; 2) «оставить все как есть»
2.Нормативный институционализм	Дж. Марч, Й. Ольсен	Нормы и ценности	1) соперничество за идеологическую повестку; 2) символический интеракционизм
3.Институты в разрезе теории рационального выбора	Д. Норт, О. Уильямсон, Э. Остром, К. Эрроу	Правила	1) за соблюдение и выполнение правил; 2) за игнорирование части правил
4.Структурный институционализм	Дж. Прессман, А. Вильдавски	«Контрольно-пропускные пункты»	1) предотвращение акций; 2) блокирование действий
5.Социальный институционализм	Ф. Шмиттер, Р. Родс, Д. Марш	Социальные связи групп интересов, политических партий и государства	1) стабильные модели взаимодействия (интеракции); 2) нестабильные интеракции

К примеру, действующее законодательство РФ не допускает создание партий по этническому и религиозному признаку. А в случае угрозы социальной и политической стабильности государство реализует систему мер по предотвращению акций системных и внесистемных партий и движений.

В данном аспекте «контрольно-пропускных пунктов» в регулировании партийно-политических процессов приведем такой пример. Феноменальный успех партии «Родина», с идеологией умеренного русского национализма, ставшей парламентской партией в 2003–2007 годах, государственные структуры не дали повторить в 2005 –

2007 годах лидерам этой партии (Рогозин, Глазьев) на региональных выборах. В частности, в рамках избирательной кампании в Мосгордуму из-за антиэммигрантского ролика партии «Родина», слоганом которого стал тезис «Уберем грязь с улиц Москвы», партию сняли с выборов.

В рамках исследования института политических партий для нас важна и операционализация понятий «институционального определения» или «структурации». В данном разрезе в определении сущности этих понятий стоит обратиться к неоинституциональному подходу П. Дж. Димаджио и У.В. Пауэлла, которые в институциональном определении (структурации) видят четыре важных элемента: «1) усиление взаимодействия организаций в поле; 2) появление четко обозначенных межорганизационных структур господства и паттернов сотрудничества (coalition); 3) увеличение информационной нагрузки на организации в поле; 4) развитие взаимной осведомленности организаций-участников о том, что они вовлечены в совместную активность»[1].

Примером данного тренда является заключение в ФРГ в 2018 году правительственной коалиции между правоконсервативным блоком ХДС/ХСС и левоцентристской СДПГ. И это при наличии следующих далеко не позитивных обстоятельств:

1) блок ХДС/ХСС имел и другие варианты на создание правительственной коалиции с другими политическим партиями;

2) создание данной коалиции, воспроизводимой более 10 лет после очередных парламентских выборов, негативно влияло на рейтинг поддержки данных партийных структур на федеральных и земельных (региональных) выборах;

3) большинство избирателей все меньше и меньше замечало различий в партийно-политических установках данных партий, видя альтернативу в программах новых партий: «Альтернатива для Германии», «Левые».

Стоит также подчеркнуть, что для более глубокого понимания сущности политических партий, их действий (акций), политических сделок (транзакций) и взаимодействия (интеракций) нам необходим неоинституциональный анализ в рамках четырех его основных теорий: неоклассической теории поведения (Дж. Марч, Й. Ольсен, Р. Дор), теории корпоративного управления (О. Уильямсон, Э. Остром), теории институциональной среды (Д. Норт, Дж. Коулман) и теории социальной укоренности (К. Поланьи, М. Грановеттер). Поэтому для большего удобства в анализе мы представили основные положения данных теорий визуально в табл. 2.

[1] Димаджио П. Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин ; пер. с англ. и с фр. ; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с. – С. 164–192. С. 167.

Таблица 2 — Основные теории неоинституционализма в контексте институциональных изменений и эффективности в развитии

Table 2 — The main theories of neoinstitutionalism in the context of institutional changes and development effectiveness

Основные теории неоинституциона-лизма	Последовате-ли данных теорий	Ключевая сущность представленных теорий	Институциональные изменения и эффективность в развитии
1.Неоклассическая теория поведения	Дж. Марч, Й. Ольсен, Р. Дор	Акторы – это инструментально рациональные люди	Адаптация происходит быстро и непрерывно
2.Теория корпоративного управления	О. Уильямсон Э. Остром	Конкуренция между рынком и иерархическими структурами	Приспособление к условиям происходит медленно в разрезе трех направлений: 1) больше рынка, 2) больше государства, 3) кол-лективные действия
3.Теория институциональ-ной среды	Д. Норт Дж. Коулман	Среда окружает акторов и влияет на экономическое и политическое поведение	Слабая адаптивность к условиям отбрасывает общества на обочину развития
4.Теория социальной укорененности	К. Поланьи, М.Ганноветтер	Социальные и культурные явления: нормы, обычаи, традиции, религия	1) изменения гарантируют устойчивое развитие, 2) изменения приводят к отставанию, 3) изменений практически не происходит, что приводит общества к отсталости

К примеру, в рамках теории поведения и в условиях политического рынка партии действуют рационально, ставя перед собой цели, в том числе и в достижении власти, быстро адаптируются к меняющимся условиям (иной вариант – обочина и политическое небытие). В разрезе теории корпоративного управления партии со своей идеологией ориентируются на конкуренцию между рынком и иерархическими

структурами. При этом партии участвуют в работе парламента и принятии законов, а партийные лидеры, работая в правительстве, – в принятии решений, то есть в парадигме «больше государства – меньше государства». Как итог, государственная политика становится либо либеральной во все сферах, либо дирижистской (государственный дирижизм).

Касаясь функционирования институтов, содействующих социально-экономическому развитию страны и ее территорий, обратим внимание на работу шведского политолога С. Стейнмо. Ведь Швеция, по оценке многих экспертов, является одним из самых благополучных в социально-экономическом отношении государств мира, с высоким уровнем и качеством жизни. С. Стейнмо выделяет институты как модель принятия решений и уравнительное государство всеобщего благосостояния – как набор политических результатов. «Шведская модель», как полагает автор, опирается на конкретный режим принятия решений, который «в первую очередь можно охарактеризовать как предельно централизованный»[1].

Успех этой страны заключается: 1) в случайной комбинации институционального дизайна государства, предоставляющего элитам огромную политическую и стратегическую автономию; 2) политической культуре элиты, работающей на построение в основном эгалитарного, эффективного и универсального государства всеобщего благосостояния. Кроме того, данный исследователь выделяет и парадокс шведской системы, который, на первый взгляд, далек от демократических традиций: чем лучше политическая элита реагирует на краткосрочные предпочтения граждан, тем меньше вероятность, что правительство будет принимать решение в интересах всего общества и (или) в долгосрочных интересах системы.

С. Стейнмо считает, что представители профсоюзов, работодателей и правительства, которое по факту на протяжении ряда десятилетий представлено элитой Социал-демократической рабочей партии, способствовали формированию эффективного социального неокорпоративизма (исследователь отрицает, что в стране построен социализм). Эта система (неокорпоративизм) была встроена в избирательную систему, специально разработанную для защиты тех, кто находился у власти в то время. И эта система позволила довольно небольшой группе лидеров, представляющих основные экономические интересы общества, регулярно проводить последовательный набор ожидаемых политических мер в отношении образа будущего Швеции (при профессиональных консультациях экспертов). Подобная стабильность стала основой так называемой политики компромисса

[1] Стейнмо С. Управление государством как техническая задача: политическая экономия шведского успеха С. Стейнмо //Политика в эпоху жесткой экономии/ под ред. А. Шефара, В. Штрика; пер. с англ. А.А. Алвертян, Н.С. Глазкова, А.Г. Кузянина, Д.В. Мышьяковой, А.А. Порецковой; под науч. ред. А.А. Порецковой, И.В. Соболевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. –С. 123–156. – С. 123.

политических партий, основных групп интересов.

Для того, чтобы проследить логику взаимосвязи между институциональными изменениями и развитием (прогрессом) национальных государств и территорий, нужно установить взаимосвязь между институтами, демократией, с одной стороны, и культурой – с другой стороны. Обращаясь к пониманию сущности культуры, отметим, что она, по выражению политолога Т. Иглтона, есть «сеть общих смыслов и деятельности, никогда не осознаваемая полностью, но растущая в сторону «развития сознания» и тем самым всей человеческой природы целого общества»[1]. Общая же культура включает в себя совместное производство смыслов при участии всех членов общества, включая группы интересов и политические партии.

На это, кстати, обращали внимание и Г. А. Алмонд, и С. Верба. Они также полагали, что перенос политической культуры Запада в развивающиеся страны (к ним он относил и ряд государств Центральной и Восточной Европы) сопряжен с немалыми трудностями. Выделяя парохиальную, подданническую и участническую культуру[2], они акцентировали внимание на имеющейся в странах Запада участнической политической культуре, в которой граждане склонны ориентироваться на «активистскую» роль личности в политии»[3]. Правда, в эмоциональном и оценочном планах их отношение к этой активистской роли может варьироваться от одобрения до неприятия институтов государства, партий, режимов.

Политолог Ш. Эйзенштадт, исследуя культуру, институты и демократии, в свое время пришел к такому выводу. Там, где в культурных кодах находит выражение высокая степень символической разработанности проблем человеческого существования, следует ожидать сильную тенденцию к формированию автономных элит и систем. Чем больше «автономность институциональных организаторов, тем шире оказываются институциональные размеры рынков, больше будет свободных ресурсов на них и тем свободнее происходит перемещение таких ресурсов между рынками»[4].

---

[1] Иглтон Т. Идея культуры /Т. Иглтон; пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 173.

[2] В обществах с *парохиальной политической культурой* нет специализированных политических ролей. Пароихальная ориентация подразумевает также относительное отсутствие надежд на перемены, инициированные политической системой. В п*одданнической политической культуре* подданный знает о существовании специализированной правительственной власти; он эмоционально ориентирован на нее. В *участнической политической культуре* члены общества обычно четко ориентированы на систему в целом и структуры, и процессы как политического, так и административного плана.

[3] Алмонд Г. А. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры / Г.А. Алмонд, С. Верба // Полития. – 2010. – №2 (57). –С.122–144. – С. 135, 136.

[4] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш.

С другой стороны, Р. Инглхарт и К. Вельцель выявляли иную взаимосвязь. Они утверждали следующее. Во-первых, социально-экономическое развитие создает все более благоприятные условия для благополучного существования граждан. Во-вторых, эти условия, в свою очередь, обеспечивают распространение массовых ценностей самовыражения: свободу личности и свободу выбора. И, в-третьих, эти ценности мобилизуют силы, ратующие за становление демократического строя, если его еще нет, и за сохранение и углубление демократии там, где она уже есть.

Таким образом, явная связь между ценностями социальных групп и демократическими институтами преподносится этими авторами с точки зрения «институциональной» концепции. Согласно их (Р. Инглхарта и К. Вельцеля) «институциональному» объяснению, «имеющийся демократический опыт общества оказывает мощное воздействие на политическую культуру масс»[1]. «Культурный» детерминизм Ш. Эйзенштадта, напротив, убеждает ученых и практиков в том, что ценности культуры ряда наций (цивилизаций) оказывают более сильное воздействие на последующее развитие демократии. Впрочем, современные сдвиги предполагают, как считает Д. Тросби, «разрушение господствующей позиции норм высокой культуры высших и средних классов и создание культуры, складывающейся из трансакций «обычных» людей»[2].

Вслед за Ш. Айзенштадтом, Р. Инглхартом и К Вельцелем российские политологи, с одной стороны, выделяют значимую роль культуры в политическом поведении институтов, с другой стороны, считают культуру и институты двумя сторонами одной медали: «институты являются продуктом культуры и общества, а культура и общество, в свою очередь, – результирующей действия институтов»[3]. Применительно к деятельности политических партий важен учет формирующего тренда, при котором, как отмечает ряд авторов (В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров), появляется возможность становления промежуточных институтов как определенного моста на пути движения инклюзивных институтов, структур с эффективной обратной связью между ними и различными социальными слоями и группами, разумеется, с учетом адекватного культурного контекста.

Следуя логике исследования политических институтов, неизбежно переходим к процессу институционализации. Д. Асемоглу, исследуя процесс институционализации, отмечал, что индивиды имеют предпочтения относительно

Эйзенштадт; Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект–Пресс, – 1999. –С. 157.

[1]Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития /Р. Инглхарт, К. Вельцель; Пер. с англ. М. Коробочкин. - М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – С. 253–254.

[2] Тросби Д. Экономика и культура /Д. Тросби; пер.с англ.И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 256 с. – С. 203.

[3] Федотова В.Г. Культура, институты, политика /В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров // Политические исследования. – 2018. –№1. –С. 143–156. – С. 150.

различных политических институтов потому, что они «предвидят различные действия, которые политические акторы предпримут при этих институтах, а значит, и различные политические меры и общественные выборы, являющиеся результатом этих действий»[1].

Данный автор обращает внимание и на то, что политические институты регулируют распределение политической власти де-юре (какую меру государственной политики надо реализовать). Политические институты особенно полезны, считает этот автор, тогда, когда функционирующая политическая власть де-факто является преходящей. В свою очередь преходящий характер власти может быть итогом различных экономических, социальных шоков политической системы.

Следствием функционирования институтов в политических системах национальных государств, включая постсоветскую Россию, являются институциональные практики и институциональные изменения, которые достаточно основательно исследованы отечественными политологами: С.П. Перегудовым, И.С. Семененко, П.В. Пановым, Г.Л. Купряшиным и др.

Г. Л. Купряшин полагает, что в любой институциональной системе «институты «сцеплены» друг с другом. Они дополняют друг друга и образуют непрерывное институциональное пространство»[2]. К примеру, такая конгруэнтность, поддерживающее единство и устойчивость институциональной системы характерны для института государства и парламентских политических партий. Совокупность же институтов во времени представляет собой институциональные траектории. Г.Л. Купряшин выделяет два механизма, порождающих эти траектории. Это «локальные» институциональные инновации (жизнеспособные и нежизнеспособные) и целенаправленное институциональное строительство, как правило, при ведомой роли государства.

На наш взгляд, примером институциональной инновации в рамках партийной системы в 2003 году была партия «Родина». Целенаправленное институциональное строительство, как правило, при ведомой роли государства можно облечь в формат проводимых этим государством реформ, имеющих целью институциональные изменения. Пример – коррекция партийной системы РФ в 2007–2009 годах, приведшая к сокращению политических партий с 11 до 7, и либерализация партийного строительства в 2011–2012 годах, приведшая к появлению свыше 70 партий. На наш взгляд, это есть образец институциональных изменений.

---

[1] Асемоглу Д. Экономические истоки диктатуры и демократии /Д. Асемоглу, Дж А. Робинсон; пер.с англ.С.В. Моисеева; под науч. Л.И. Полищука, Г.Р. Сюняева, Т.В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. –С. 233.

[2] Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы /Г.Л. Купряшин. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с. –С. 103.

Поскольку в идеале институты, включая политические партии, должны рассматриваться с позиции эффективности их функционирования, то ученые и практики могут отдавать себе отчет в двойственности природы институтов. Л.В. Купряшин справедливо полагает, что «они могут не только способствовать приближению к оптимальности, но и препятствовать»[1]. Негативные действия (акции) институтов в лице партий, что объясняет тот же Г.Л. Купряшин, проявляются за счет их инерционности, с противоположностью интересов затрагиваемых изменений групп, следствием распределительного конфликта, когда они становятся на сторону одной группы против другой. Характерный пример распределительного конфликта – одобрение или критика политическими партиями РФ пенсионной реформы 2018 года, когда часть парламентских партий выступила против изменений (КПРФ, «Справедливая Россия»), а партия «Единая Россия» – за.

Рассматривая проблематику институтов и политических партий как элемент политической системы, важно исследовать их с точки зрения плюралистической и корпоративистской концепций. Ведь данные концепции выражают различные варианты (модели) взаимодействия заинтересованных политических акторов и института государства. Правда, как считает ряд отечественных исследователей, их не стоит рассматривать как «равнозначные». Корпоративистская модель жестко очерчена областью взаимодействия интересов групп интересов и государства, плюралистическая же имеет выход на более широкий ландшафт взаимодействия общества и государства, в котором видоизменяется характер политической системы. При этом наряду с «плюрализмом групп она включает плюрализм партий, средств массовой информации, у нее есть свои идеологические, ценностные, социально-психологические и т.п. измерения».

Весомый вклад в понимание институтов, институциональных практик и изменений внес П.В. Панов. Данный исследователь уверен, что институциональные политические практики осмысливаются в том числе и «под углом зрения инструментальных связей между политическими акторами, участвующими во взаимодействиях»[2]. Это делает данный тип институциональных политических практик, что вполне логично, похожими на взаимодействия в условиях рынка. Ведь политика как процесс представляет собой определенную разновидность бизнеса, где продавцы и покупатели (например, партии и избиратели, одни партии и другие партии) достаточно регулярно вступают в интеракции, транзакции (сделки). Вследствие этого такие взаимодействия определенным образом институционализируются.

Подводя итоги по проблематике развития политических партий в ракурсе

[1] Купряшин Л.Г. Государственное управление посредством институциональных изменений / Г.Л. Купряшин //Политические исследования. – 2012. –№6. –С. 112–125. – С. 113.

[2] Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 512 с.

имеющихся научных подходов и разновидностей институционализма, стоит отметить следующее. Во-первых, развитие партий в современной России и, к примеру, в странах Запада, имеет ряд сходств, но и ряд различий. Однако, если рассматривать процесс их развития, то необходимо учитывать первоначальный институциональный выбор России (исторический институционализм), когда изменения или реформы были инициативой власти (реформы сверху). Следовательно, политические партии могут лишь следовать в данном фарватере.

Во-вторых, учитывая ориентацию большинства населения на традиционные ценности, политические партии РФ могут сохраниться как системные партии и не оказаться маргинальными, лишь выражая принятые в обществе нормы и ценности (нормативный институционализм). Более того, для таких партий может быть характерно не только взаимодействие на общенациональном и субнациональном уровнях в РФ на основе этих ценностей, но и определенная символическая политика, разделяемая и поддерживаемая основными социальными слоями и группами в стране.

В-третьих, понятно и обосновано, что в современной России институт государства намерен устанавливать «контрольно-пропускные пункты» для общественно- политических партий и движений (структурный институционализм), которые не дадут ряду внесистемных партий привести страну к политическому хаосу, дезорганизации и распаду. Кроме того, это государство делает ставку на принуждение системных и не системных партий к соблюдению и выполнению имеющихся правил (теория рационального выбора).

А сами партии, по мере их развития, в выполнении стоящих пред ними задач все больше заинтересованы в интеракциях (социальный институционализм), которые приобретают, как форму стабильных взаимодействий, так и разовых интеракций. Этот тренд формируют и политическую традицию в РФ по нахождению консенсуса (согласия) между основными политическими игроками.

Библиография/References:

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С.122– 144.

2. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 512 с.

3. Вебер М. Власть и политика. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 432 с.

4. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. – 368 с.

5. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с.

6. Димаджио П. Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин ; пер. с англ. и с фр. ; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с.

7. Иглтон Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 192 с.

8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

9. Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.

10.Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с.

11.Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

12.Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.

13.Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.

14.Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С Группы интересов и российское государство. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.

15.Сен А. Идея справедливости. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.

16.Стейнмо С. Управление государством как техническая задача: политическая экономия шведского успеха // Политика в эпоху жесткой экономии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 123–156.

17.Сумленный С.С. Немецкая система. Как устроена Германия. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 368 с.

18.Тросби Д. Экономика и культура. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 256 с.

19.Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.

20.Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Чугров С.В. Культура, институты, политика // Полис: Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 143– 156.

21.Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.

22.Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

23.Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 296 с.

24.March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / The American Political Science Review, Vol. 78, №3 (Sep., 1984), P.734– 749.

1. Almond, G.A., Verba, S. (2010) Grazhdanskaia kul'tura. Podkhod k izucheniiu politicheskoi kul'tury [Civil culture. Approach to the study of political culture] // Politiia. – № 2 (57). – P.122-144. (In Russ.)

2. Asemoglu, D., Robinson, Dzh. A. (2018) Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii [Economic sources of dictatorship and democracy]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 512 p. (In Russ.)

3. Veber, M. (2017) Vlast' i politika [Power and politics]. – M.: RIPOL klassik. – 432 p. (In Russ.)

4. Veblen, T. (2018) Teoriia prazdnogo klassa [Theory of the idle class]. – M.: Knizhnyi dom «LIBRIKOM». – 368 p. (In Russ.)

5. Greif, A. (2018) Instituty i put' k sovremennoi ekonomike. Uroki srednevekovoi torgovli [Institutions and the path to a modern economy. The lessons of medieval trade]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 536 p. (In Russ.)

6. Dimadzhio, P. Dzh., Pauell, U.V. (2014) Novyi vzgliad na «zheleznuiu kletku»: institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaia ratsional'nost' v organizatsionnykh poliakh [New view on the “iron cage”: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields] // Klassika novoi ekonomicheskoi sotsiologii [Classics of a new economic sociology] / sost. V.V. Radaev, G.B. Iudin ; per. s angl. i s fr. ; pod nauch. red. V.V. Radaeva, G.B. Iudina. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 381 p. (In Russ.)

7. Iglton, T. (2019) Ideia kul'tury [The idea of culture] / per. s angl. I. Kushnarevoi; pod nauch. red. A. Smirnova. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 192 p. (In Russ.)

8. Inglkhart, R., Vel'tsel', K. (2011) Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. – M.: Novoe izdatel'stvo. – 464 p. (In Russ.)

9. Kommons, Dzh.R. (2011) Pravovye osnovaniia kapitalizma [The legal basis of capitalism]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 416 p. (In Russ.)

10. Kupriashin, G.L. (2012) Modernizatsiia gosudarstvennogo upravleniia: instituty i interesy [Modernization of public administration: institutions and interests]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. – 312 p. (In Russ.)

11. Nort, D. (1997) Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy] / per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. – M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala». – 180 p. (In Russ.)

12. Ostrom, E. (2010) Upravliaia obshchim: evoliutsiia institutov kollektivnoi deiatel'nosti [Managing the common: the evolution of collective institutions]. – M.: IRISEN, Mysl'. – 447 p. (In Russ.)

13. Panov, P.V. (2011) Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaia model' politicheskogo poriadka [Institutions, identities, practices: a theoretical model of political order]. – M.: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN). – 230 p. (In Russ.)

14. Peregudov, S.P., Lapina, N.Iu., Semenenko, I.S (1999) Gruppy interesov i rossiiskoe gosudarstvo [Interest Groups and the Russian State]. – M.: Editorial URSS. – 352 p. (In Russ.)

15. Sen, A. (2016) Ideia spravedlivosti [The idea of justice]. – M.: Izd-vo Instituta Gaidara; Fond «Liberal'naia Missiia». – 520 p. (In Russ.)

16. Steinmo, S. (2015) Upravlenie gosudarstvom kak tekhnicheskaia zadacha: politicheskaia ekonomiia shvedskogo uspekha [Governance as a technical challenge: the political economy of Swedish success] // Politika v epokhu zhestkoi ekonomii [Politics in an era of austerity]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – P. 123–156. (In Russ.)

17. Sumlennyi, S.S. (2012) Nemetskaia sistema. Kak ustroena Germaniia. Izdanie vtoroe, pererabotannoe i dopolnennoe [German system. How does Germany. Second edition, revised and updated]. – M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. – 368 p. (In Russ.)

18. Trosbi, D. (2018) Ekonomika i kul'tura [Economy and culture]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 256 p. (In Russ.)

19. Uil'iamson, O.I. (1996) Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaia» kontraktatsiia [The economic institutions of capitalism: Firms, markets, "relational" contracting]. – SPb.: Lenizdat; CEV Press. – 702 p. (In Russ.)

20. Fedotova, V.G., Fedotova, N.N., Chugrov, S.V. (2018) Kul'tura, instituty, politika [Culture, institutions, politics] // Polis: Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 1. – P. 143-156. (In Russ.)

21. Khedlund, S. (2015) Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaia nauka. Sposoby ob"iasneniia sistemnogo provala [Invisible hands, the experience of Russia and social science. Ways to explain system failure]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 424 p. (In Russ.)

22. Eizenshtadt, Sh. (1999) Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii [Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations]. – M.: Aspekt Press. – 416 p. (In Russ.)

23. El'ster, Iu. (2018) Kislyi vinograd. Issledovanie provalov ratsional'nosti [Sour grapes. The study of the failures of rationality]. – M.: Izd-vo Instituta Gaidara. – 296 p. (In Russ.)